
Глубина погружения
@YY_Leonidov

@yy_Leonidov

«Глубина погружения»

«Автор»
2026

@yy_Leonidov

«Глубина погружения» / @yy_Leonidov — «Автор», 2026

Россия тайно испытывает боевой подводный дрон с ИИ на Северном морском пути. На четвёртые сутки связь с машиной обрывается — и дрон всплывает на дрейфующей льдине в нейтральных водах. К нему с двух сторон идут те, кто не должен был его найти: российский патруль и японская «научная экспедиция по изучению планктона» с перехватчиком в трюме. Между ними — инженер, которого используют втёмную и который пока об этом не знает. Гонка без единого выстрела, где никто не получит всего, потому что главное уже утекло дальше.Книга создана с использованием ИИ. Автор — псевдоним @yy_Leonidov. AI-редактор — Veruna.

© @yy_Leonidov, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Глубина погружения 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

@yy_Leonidov
«Глубина погружения»

Глава первая. Глубина погружения

15 октября, 02:00–04:40 · резерв 90 ч · сцены 1.1–1.3

Полярная ночь не приносит темноты — она приносит отсутствие времени. Коренев поднялся на мостик в начале третьего и с минуту стоял у переборки, соображая, вечер сейчас или всё-таки утро: часы показывали одно, тело требовало другого.

За лобовым стеклом лежало белое поле, подсвеченное прожектором, и в этом свете медленно ползла тень. «Торос» держал позицию, работая машиной на самом малом.

— Тринадцатая, — сказал Пахомов, не оборачиваясь. — Пошла.

На центральном экране тянулась зелёная дорожка и по ней — короткий штрих. «Белуха» обходила имитаторы, выставленные на дне ещё вчера, с вертолёта: два учебных, макет подлодки и старая баржа, которую поленились убрать с прошлого года. Работа простая, почти скучная. Именно поэтому её и делали ночью, без гостей и без комиссии.

— Восемь секунд, — доложил оператор. — Классифицировала. Свой. Угрозы нет.

— Восемь — это много, — сказала Дёмина от иллюминатора. Она стояла там уже давно, со стаканом в руке, и Коренев не слышал, как она вошла. — В прошлый раз было шесть.

— Усложнили сценарий. Добавили ложную цель.

— А если бы связи не было совсем? — Дёмина повернулась. — Тогда сколько?

Пахомов посмотрел на Коренева, и Коренев ответил сам:

— Столько же. Машина не ждёт команды, она её не запрашивает. Классификация и решение — внутри.

— То есть мы для него не обязательны.

— В этом режиме — нет.

Дёмина ничего не сказала, но стакан поставила. Хороший признак, подумал Коренев: она не любила, когда ей нечего было возразить.

— Через две мили полоса, — сказал Левчук от штурманского стола. — Магнитная. Восемь миль на норд-ост, дальше чисто.

— Почему не обошли? — спросила Дёмина.

— Затем и не обошли, — ответил Коренев. — В программе это отдельный пункт. Машина должна уметь идти по магнитному курсу, когда спутника нет.

— И как он это делает?

— Берёт пеленг по магнитному полю Земли и правит по нему счисление. Пока полоса не врёт.

— А она врёт?

— Она неоднородная. В позапрошлом году здесь надводный буй сносило на два градуса, пока его не выключили вручную.

Дёмина посмотрела на него, потом на экран, где зелёная дорожка подходила к невидимой черте.

— Хорошо, что мы это проверим, — сказала она.

Коренев смотрел на телеметрию, на ровные столбцы, где не было ни одной сомнительной цифры, и ждал подвоха. Подвох пришёл в 03:47 — одной строкой, одним числом, которое не совпало с картой дна.

Пахомов не заметил. Коренев заметил.

Полгода назад он уже видел это число. Другая комната, другой полигон, тот же скачок, вылезший из общего ряда посреди идеального протокола. Тогда он просидел над ним сорок минут, потом тронул карандашом графу «примечания» и написал: *единичный сбой дискретизации, на работу не влияет*. Потому что программу закрывали, а закрывать её не хотели. Формулировку он помнил дословно — и сейчас она стояла перед ним, только уже без карандаша и без подписи.

— Матвей Андреевич, — позвала Дёмина. — Вы на секунду выпали.

— Отклонение, — сказал он. — В допуске.

Она подошла, наклонилась к экрану, посмотрела туда же, куда смотрел он. Число к тому времени уже ушло вниз, в архив, и наверху осталась чистая строка.

— Если в допуске, зачем вы на неё так смотрели?

— Потому что на неё надо смотреть, — сказал Коренев и сам услышал, как это прозвучало.

Дистанция, пройденная аппаратом, кончалась у ледового поля. Дальше начинался гребень — торос, наросший за неделю, с килем метров пятнадцать, местами больше. Зелёная дорожка упёрлась в него и остановилась.

— Под килем сколько? — спросил Коренев.

— Триста двадцать, — ответил Левчук. — Ровно, без сюрпризов.

— Я не про грунт. Над гребнем сколько?

— Пятнадцать, местами восемнадцать.

— Она пройдёт?

— Рабочая глубина погружения — триста метров, изделие укладывается вдвое, — сказал Коренев. — Пройдёт.

— Тогда пусть проходит, — сказала Дёмина.

Пахомов передал команду. Штрих на экране пригнулся и пошёл вниз, под гребень.

* * *

В гидроакустической рубке «Сирои» пахло остывшим чаем и мокрой шерстью — кто-то сушил здесь свитер, и это раздражало сильнее, чем сам запах. Ито сидела в наушниках уже четвёртый час, и цифры на её планшете перестали складываться ещё на третьем.

Русское судно она узнала со второго прослушивания. Винты ледового класса дают характерный ритм — тяжёлый, с оттяжкой, и по нему можно было сказать о чужом корабле больше, чем по силуэту. Дальше шло эхо от корпуса, дробь эхолота, и между ними, тонким пунктиром, то, ради чего она здесь сидела: посылки гидролокатора, слишком правильные для промысла и слишком редкие для поиска.

Испытание. Третья ночь подряд, один квадрат, одно и то же время.

Она сняла наушники и потянулась за стаканом. Вода отдавала металлом. Рядом с акустической записью лежал журнал «Томбо» — короткая таблица с датами, которую она открывала сегодня, пожалуй, в седьмой раз.

Пятьдесят четыре часа назад перехватчик покинул cradle.

Ито сверила ещё раз. Пятьдесят четыре. Первая ночь серии началась через пять часов после этого — то есть аппарат увели в воду задолго до того, как в квадрате прозвучала хоть одна русская посылка, и увели не наугад, а в точку, из которой он сейчас слышал ровно то, ради чего его выпустили.

Дверь открылась, и вошёл Мори. Он всегда входил без стука, но и без спешки, и от этого казалось, что стучаться здесь необязательно всем, кроме остальных.

— Есть?

— Есть, — сказала Ито. — Ходовые, эхолот, локатор. Хорошая запись, чистая.

— Мне нужна не запись.

— Я знаю, что вам нужно.

Мори обошёл её кресло, заглянул в планшет. Журнал «Томбо» лежал сверху, и Ито не стала его двигать. Он посмотрел на таблицу, потом на неё, и ничего не спросил — ни про даты, ни про пятьдесят четыре часа.

— К утру, — сказал он. — Чтобы мозг знал её голос так же хорошо, как свой.

— Он уже знает. Я кормлю его этой записью третью ночь.

— Хорошо.

Он вышел так же, как вошёл. Ито просидела ещё минуту, глядя на закрытую дверь, а потом отодвинула журнал в сторону — подальше, к самому краю стола, туда, где его не было видно с порога.

* * *

В 04:19 штрих на экране «Тороса» прошёл половину гребня. В 04:21 сигнал просел: посылки пошли с задержкой, эхо вернулось размытым, глубина перестала обновляться.

— Шум по каналу, — сказал Пахомов. — Даю повтор.

Минута. Дорожка на экране вытянулась в прямую и обрезалась.

— Нет ответа.

— Ещё раз.

— Нет ответа.

— Магнитная полоса, — сказал Левчук. — Может, счисление повело.

Коренев наклонился к пульту и сам посмотрел в лог. Последний пакет ушёл в 04:21:08. Дальше — тишина, и не та тишина, в которой тонет эхо, а другая, пустая.

— Отзыв, — сказала Дёмина. Голос у неё стал ровным и негромким, и от этой ровности на мостике всем сделалось тесно. — Дайте отзыв.

Пахомов отправил код возврата. Аппарат не подтвердил. Пахомов отправил ещё раз, потом ещё, и на четвёртый раз в динамике щёлкнуло так, что штурман вздрогнул.

— Не отвечает.

— Дефект канала или дефект машины? — спросила Дёмина.

— Не могу знать.

— Тогда позовите того, кто может.

Она не повысила голос, но Коренев уже стоял рядом.

— Матвей Андреевич. Что это было?

— Помеха, — сказал он.

Слово вышло коротким и легким, и он сам поймал себя на том, как легко оно вышло. Дёмина смотрела на него дольше, чем требовалось, — секунды три, не меньше, — и он выдержал этот взгляд, потому что отвести глаза означало сказать правду.

— Пишите, — велела она. — «В 04:21 связь с изделием прервана. Предположительная причина — искажение курса в магнитной аномалии, потеря канала под ледовым гребнем».

Пахомов записал. Дёмина отошла к карте, тронула пальцем гребень и велела штурману менять курс: льдина дрейфует, гребень ползёт на север, через сутки искать будет нечего. Потом обернулась к Кореневу в последний раз:

— Девяносто часов. Через девяносто часов она либо всплывёт, либо ляжет. Вам это известно лучше, чем мне.

— Известно.

— Тогда идите и придумайте, как нам её оттуда достать.

Он ушёл. На трапе его догнал звук — негромкий, ровный писк гидролокатора, который никто не выключал.

В гидроакустической рубке «Тороса» сидел Гринько, второй месяц от практики, и вёл вахту по расписанию, хотя после потери связи вести было нечего. Он честно держал наушники и честно смотрел на тот канал, где до 04:21 бежала телеметрия.

Канал молчал ровно. Не шипел, не потрескивал, не давал обычного фона, который есть у любой живой линии, даже у пустой. Там стоял нуль — чистый, без единой дрожи.

Гринько снял наушники, протёр стекло экрана рукавом, надел обратно. Нуль не дрогнул.

Он знал, что мёртвый прибор так не выглядит.

Мёртвый прибор шумит.

За его спиной хлопнула дверь, кто-то прошёл по коридору тяжёлым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.